

А. И. АЛИЕВА
(Москва)

ДВУЯЗЫЧНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ СЕРИЯ «ЭПОС НАРОДОВ СССР»*

Запись, издание и изучение эпоса монголоязычных народов в нашей стране имеют более чем двухвековую историю (первое известие о «Джангаре», например, было опубликовано в 1804—1805 гг.). При подготовке калмыцкого и бурятского томов исследователи имели в своем распоряжении записи эпоса, сделанные на протяжении длительного времени, и могли отобрать самые полные и совершенные в художественном отношении варианты.

Составители тома «Джангар. Калмыцкий героический эпос» (1990) выбрали для издания цикл из десяти песен, «которые были записаны в 1908 г. от выдающегося народного певца — джангарчи Ээлян Овла в Малодербетовском улусе (ныне Малодербетовский район Калмыцкой АССР) студентом Петербургского университета Номто Очиroyым. Сверка записи при повторном исполнении тех же песен Ээлян Овла была произведена в 1910 г. В. Л. Котвичем» [Джангар 1990, 405].

«Джангар» — один из немногих томов серии, где сделана попытка охарактеризовать принципы текстологической подготовки эпоса к изданию. Но, к сожалению, в книге приводится противоречивая информация о публикуемых текстах и принципах их подготовки. Так, в заметке «От редколлегии» читаем: «Калмыцкий героический эпос “Джангар” представлен в настоящем издании циклом из десяти песен, записанных от

джангарчи Ээлян Овла в 1908—1910 гг. и одной поэмой в записи Н. И. Михайлова (1854 г.) и в переводе А. А. Бобровникова. Оригинал этой песни был обнаружен в архиве Географического общества в Ленинграде В. З. Цереновым в 1979 г. Запись Н. И. Михайлова, произведенная сплошным текстом, для издания в томе “Джангар” Н. Ц. Биткеевым и Э. Б. Оваловым разбита на стихи в соответствии с песенно-поэтической природой памятника. Ими же осуществлена унификация диалектных слов по нормам современного калмыцкого языка; приведены в единую систему написания имен собственных и географических названий» [Там же, 5].

В сноске к «Вступлению» к тексту эпоса на с. 196 запись Н. И. Михайлова уже не упоминается, зато добавляются сведения о принципах текстологической подготовки тома, которых придерживались составители: «В данное издание вошли самые полные варианты песен “Джангара” в записях Н. Очирова и В. Л. Котвича (1908—1910) от джангарчи Ээлян Овла. Все десять песен его цикла имеют один и тот же пролог, который в отдельных песнях представлен с сокращениями. В настоящий том включен пролог из песни № 1 как самый совершенный в художественном отношении; он имеет дополнения (в текстах взяты нами в скобки) из варианта песни № 8 (см. фотокопию «Жанһр», т. 1—3. Хранится в библиотеке КНИИ ИФЭ)».

Заметим, что в книге нигде не указано, какие песни печатаются в записи Н. Очирова, а какие — В. Л. Котвича.

Характеристика текстов, составивших том «Джангар» в академической серии, в третий раз повторяется в статье Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова «Калмыцкий героический эпос “Джангар”» [Там же, 405].

Итак, после того, как составители рассказали о своей работе с записью «Джангара», сделанной Н. И. Михайло-

* Окончание. Начало в № 3 за 2008 г., с. 41—64.

вым, а также о том, что пролог, который начинается *каждая песнь* у Ээлян Овла, оставлен только в самом начале эпической поэмы, причем в сводном варианте, они утверждают: «Все тексты, включенные в издание, публикуются без сокращений, в том виде, как они были исполнены джангарчи (курсив. — А. А.)» [Там же, 6].

Кроме того, нигде не говорится, печатается текст эпоса по архивной рукописи или по изданию 1910 г. (кстати, нигде в томе нет полного названия этой публикации). Нет сведений и о том, на основании каких принципов и кем выполнен перевод эпического текста со старокалмыцкого письма на современную графику. Остается неясным, взят ли текст «Джангара» в переводе А. Бобровникова из его публикации 1854 г. или рукопись этого перевода была найдена вместе с оригиналом, а также вносились ли в перевод Бобровникова какие-нибудь уточнения.

Как видим, возникает целый ряд вопросов о принципах текстологической подготовки эпоса «Джангар», на которые, к сожалению, в данном томе нет ответа.

Раздел «Приложения» составили статьи Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова «Калмыцкий героический эпос “Джангар”» и «Обзор сюжетов песен эпоса, не вошедших в издание», статья Г. М. Настиновой «Эпические напевы “Джангара”», комментарии, словарь и библиография.

В статье «Калмыцкий героический эпос “Джангар”» приведена краткая историческая справка о калмыках, историография вопроса, общая характеристика эпоса. Важно отметить, что калмыцкая версия характеризуется в сопоставлении не только с монгольским и синьцзянским «Джангаром», но и с бурятским «Гэсэром», киргизским «Манасом», узбекским «Алпамышем», что позволяет авторам охарактеризовать специфические черты калмыцкого «Джангара». Подробно проанализирована система персонажей, поэтика эпоса и творчество выдающихся исполнителей — джангарчи Оэлян Овла, Мукебюна Басангова и др.

В разделе «Обзор сюжетов песен “Джангара”, не вошедших в издание» изложены сюжеты песен калмыцкого эпоса, хранящихся в рукописном фонде Калмыцкого института общественных

наук РАН, а также в архивах Санкт-Петербургского государственного университета и в Центральном Государственном архиве г. Ростова-на-Дону, в Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения РАН, Областном Ростовском архиве. Подчеркнем особо, что здесь учтены не только рукописные варианты, но и опубликованные в изданиях, ставших теперь библиографической редкостью.

Эпические напевы «Джангара» характеризуются в одноименной статье Г. М. Настиновой. Автор, опираясь на полную и точную характеристику типов исполнения этого эпоса, данную в работах Б. Я. Владимирцова, А. Бобровникова, В. Л. Котвича, Н. Ц. Биткеева, В. К. Шивляновой, описывает монгольские и калмыцкие народные инструменты, искусство знаменитых джангарчи, их манеру исполнения. В статье приводятся 6 нотных записей мелодий «Джангара», сделанных в 1908—1910 гг., 1939, 1978 и 1981 гг. и представляющих разные типы исполнения эпоса.

В словаре и в комментариях объясняется архаическая лексика эпоса, идиоматические выражения, термины и понятия из области древних верований калмыков и буддистско-ламаистской религии, поясняется эпическая топонимика.

Библиография включает издания текстов эпоса на языке оригинала и в переводах на многие языки и посвященные ему исследования. Читатель тома может составить полное представление о состоянии изучения и издания знаменитого калмыцкого эпоса.

Итак, первая научная двуязычная публикация калмыцкой версии эпоса о богатыре Джангаре занимает достойное место в академической серии, несмотря на ряд указанных выше недоработок.

* * *

Выдающийся памятник устной народной поэзии бурятского народа — эпос о Гэсэре — давно получил мировое признание. На протяжении последних полутора столетий он привлекает пристальное внимание ученых: его изучением занимались С. А. Козин, Б. Я. Владимирцов, Ц. Дамдинсурен и целый ряд бурятских исследователей, первым из которых должен быть назван Ц. Ж. Жамцарано. Именно этому ученому довелось записать в 1906 г. наиболее полный

и художественно совершенный вариант «Гэсэра» от талантливого сказителя Маншуда Имегенова и опубликовать его на бурятском языке [Жамцарано 1930]. И хотя в 1960-е гг. уже было осуществлено двуязычное издание этого варианта [Абай-Гэсэр-хубун 1961], составители тома выбрали для издания именно его. За тридцать лет, прошедших со времени двуязычного издания этого текста, в изучении эпоса бурят были достигнуты серьезные результаты, что позволило подготовить новую публикацию «Гэсэра» «с учетом возросших требований: перевод, комментарии, исследовательские статьи являются по существу новым научным осмыслением эпического памятника в его целостности и художественной неповторимости с позиций современного эпосоведения» [Абай Гэсэр Могуций 1995, 462].

И это действительно так: текст эпоса, записанный Ц. Ж. Жамцарано и опубликованный в русской академической транскрипции, транслитерирован на современную бурятскую графику (к сожалению, нигде не указано, кем это было сделано). Текст не подвергался сокращениям, в него не было включено никаких добавлений: сравнение публикации 1930 г. с публикацией в том же серии свидетельствует, что они совпадают по числу строк. В новом издании воспроизведены все постраничные примечания Ц. Ж. Жамцарано, что также свидетельствует о бережном отношении его составителей к публикуемому материалу. И можно только пожалеть, что здесь не перепечатаны комментарии Ц. Ж. Жамцарано к изданию 1930 г. и вступительная заметка к нему, содержащая ценные сведения и о самой рукописи 1906 г., и о принципах ее текстологической подготовки для первой публикации.

Важная составляющая тома «Абай Гэсэр Могуций» — научный аппарат к эпическому тексту. Он включает комментарии к переводу, статьи М. М. Тулохонова «Бурятский героический эпос “Гэсэр”» и «Варианты бурятского эпоса “Гэсэр”», а также статью Д. С. Дугарова «Напевы бурятских улигеров».

В первой статье М. И. Тулохонова определено место героического эпоса — улигера — в бурятском фольклоре. Особое внимание уделено характеристике сказительского мастерства создателей,

хранителей и исполнителей эпоса — улигершинов. Бурятские сказания о Гэсэре рассматриваются в сопоставлении с монгольскими, калмыцкими, тибетскими, пакистанскими, непальскими, выявляются общие истоки и единство происхождения бурятской и монгольской версий «Гэсэра», выявляются специфические особенности бурятского эпоса. Заключает статью подробный анализ публикуемого варианта эпоса — его содержания, трактовки образов главных героев, пространственных и временных представлений, поэтики и стиля.

Вторая статья М. И. Тулохонова продолжает и дополняет первую: она содержит сравнительный анализ девяти вариантов этого эпоса, записанных от разных сказителей в 1906, 1916, 1937, 1940 и 1941 гг. Сведения, приведенные в этом разделе, позволяют составить достаточно полное представление о всей совокупности вариантов бурятского эпоса о Гэсэре, основная часть которых до сих пор не опубликована.

Здесь, к сожалению, не объясняется, почему последняя запись «Гэсэра» датируется 1941 г. Почти два десятилетия после этой даты бурятский «Гэсэр» был «в опале», его самый знаменитый собиратель Ц. Ж. Жамцарано в 1937 г. был репрессирован (о чем сообщается в подписи к его портрету). Так был пропущен важный этап в истории собирания этого памятника, когда, конечно же, еще были живы сказители, хорошо его помнившие, от которых можно было зафиксировать на магнитофон «живое» исполнение эпоса. Бурятский том академической серии был издан в 1995 г. и вполне правомерно было объяснить такой значительный пробел в истории фиксации, публикации и исследования «Гэсэра» историческими обстоятельствами. А именно эти обстоятельства не позволили сделать в свое время нотные или механические записи бурятского эпоса. Автору статьи «Напевы бурятских улигеров» Д. С. Дугарову, в распоряжении которого таких записей не было, пришлось реконструировать эпические напевы «Гэсэра», опираясь на предельно лаконичные свидетельства собирателей эпоса, на уникальную фонографическую запись эхирит-булагатского напева эпоса, хранящегося в фонограммархиве ИРЛИ, на собственные разыскания и фиксации.

Заключительный вывод Д. С. Дугарова: «Вокальная и инструментальная музыка со всеми ее разнообразными формами и выразительными средствами, умело и талантливо использовавшимися бурятскими улигершинами в их эпическом творчестве, умножала идейно-художественные силы эпоса, усиливала его эстетическое воздействие на слушателей» [Абай Гэсэр Могучий 1995, 165—166], — основательно аргументирован и потому очень убедителен.

В комментариях к переводу эпоса на русский язык поясняются значения многозначных слов, этнографические и бытовые реалии, образы мифологических и фольклорных (в том числе эпических) персонажей, значение различных художественных средств эпоса, прежде всего — образных характеристик персонажей и традиционных эпических формул.

* * *

Эпосу финно-угорских народов посвящены тома «Коми народный эпос» и «Карело-финский народный эпос».

Том, посвященный эпосу народа коми, занимает в академической серии особое место. В статье «От редакции» говорится, что здесь «публикуются произведения коми народного эпоса, которые были созданы и исполнялись или исполняются этническими группами *коми-зырянского* и *коми-ненецкого* (колвинские яраны) происхождения, говорящими на разных диалектах коми языка и живущими на обширных пространствах европейского Севера, а также Мурманской, Архангельской и Тюменской областей, сопредельных с Коми АССР (ныне — Республика Коми — А. А.)» [Коми эпос 1987, 5]. Таким образом, в томе представлены эпические произведения, созданные в основном коми-зырянами.

Но ведь до середины XX в. никто даже не подозревал о существовании эпоса у народа коми. Более того, было распространено мнение, что «ни о каком коми народном эпосе не может быть и речи» [Там же, 8], поскольку эпические произведения на коми языке до той поры не были зафиксированы.

Составителю тома, переводчику эпоса на русский язык, автору капитальных исследований фольклора народа коми А. К. Микушеву принадлежит честь не

только самого факта открытия и фиксации коми эпоса¹, но и его издания [Микушев 1966—1971; 1969; 1973]. Сам А. К. Микушев писал: «Между тем коллективными усилиями отечественных и зарубежных ученых было обнаружено совершенно уникальное фольклорное явление, которое можно условно обозначить как коми народный эпос. Раньше всего стали известны эпические прозаические сказания о родо-племенных богатырях и их противниках, в равной мере наделенных разбойными и колдовскими качествами. <...> Потом были выявлены первые песенные эпические произведения о богатырях Педоре Кироне, Кирьяне-Варьяне, о безымянном младшем сыне-спасителе рода с берегов Выми. А в 1960—1980 гг. фольклорная группа Коми филиала АН СССР и Сыктывкарского государственного университета в буквальном смысле слова открыла уникальный ижмо-колвинский эпос, который бытовал и поныне бытует в отдаленных селениях и факториях, в оленеводческих чумах на севере Коми АССР, Архангельской, Тюменской и Мурманской областей» [Коми эпос 1987, 8].

Эпические тексты, опубликованные в томе серии, представляют две эпические традиции: коми-ижмо-колвинскую и коми-зырянскую. Они были зафиксированы под руководством составителя тома в основном в 1963—1977 гг. (единичные записи были сделаны в 1911, 1920, 1945 гг.). В заметке «От составителя» кратко охарактеризованы принципы фиксации и подготовки эпических текстов к печати: «Тексты эпических произведений для данного тома записаны самим составителем и руководимой им творческой группой научных сотрудников Коми филиала АН СССР <...> и студентов Сыктывкарского государственного университета. Случаи, когда запись выполнена другими собирателями, оговариваются в научных комментариях. Эпические песни даются, как правило, в наиболее характерном и полном, на взгляд составителя, варианте; сведения о других вариантах даются в комментариях. <...> Произведения

¹ Под руководством А. К. Микушева и при его непосредственном участии в Большеземельских, Обской, Кольской, Канино-Тиманской экспедициях был собран значительный материал по эпосу народа коми.

зафиксированы и воспроизведены на ижемском, верхневычегодском и нижневычегодском диалектах коми языка. <...> В диалектологической свертке текстов приняли участие сотрудники кафедры коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета (Е. А. Игушев, А. Н. Карманова, Н. В. Раевская)» [Там же, 7].

К сожалению, в томе нигде не указано, как велась запись публикуемых эпических текстов — вручную или средствами звукозаписывающей техники, хотя во вступительном исследовании к тому А. К. Микушев пишет: «Мы неоднократно лично наблюдали и фиксировали на записывающих аппаратах песенное импровизирование известных сказочных сюжетов» [Там же, 34]. Нигде в томе не названы магнитофонные записи эпоса народа коми, а нотные иллюстрации к статье А. А. Шергиной «Напевы коми эпических песен», иллюстрирующие публикуемые в томе записи сказаний «Возле Кюрча-ю живем», «Прежде жил один Сюдбей», «Богатырь Кирьян-Варьян» и «Вверх по Емве-реке пароход плывет», взяты из книг А. К. Микушева [Микушев 1969; Микушев и др. 1966—1971, т. 3].

В статье А. А. Шергиной охарактеризованы напевы коми эпических песен в целом и вместе с тем выявлены специфические особенности коми-ижмо-колвинской, вымско-удорской и вычегодско-сысольской эпических традиций [Коми эпос 1987, 668—676].

В эпосе народа коми А. И. Микушев выделяет два самостоятельных пласта — ижмо-колвинский и коми-зырянский, а в каждом из них — «три четко выраженных диахронных среза: сказочно-мифологический, героический и социально-исторический, но соотношение их в том и в другом случае <...> совершенно различное» [Там же, 8], что объясняется, на его взгляд, историей контактов коми с соседними народами. Публикуемые произведения коми эпоса последовательно сопоставляются и с типологически сходными произведениями народов Севера и Сибири.

А. К. Микушев подробно характеризует ижмо-колвинский эпос как сохранившийся в наиболее полном и цельном виде (его сказочно-мифологический и героико-богатырский пласты и песни социально-исторического характера —

их жанровый состав, систему образов, поэтики). Ученый выявляет сходство ижмо-колвинского эпоса с карело-финскими рунами, обско-угорскими героическими песнями, с энецко-ненецкими эпическими сюдбабц. Это позволяет ему характеризовать ижмо-колвинский эпос как живой пример «сложного единства и взаимодействия финно-угро-самодийских традиций. Эволюция этого единства дает о себе знать при сопоставлении многих образов и сюжетов» [Там же, 51].

Коми-зырянский эпос рассмотрен А. К. Микушевым в сопоставлении с фольклором удмуртов — народа пермской группы финно-угорской языковой семьи, с эпосами обско-угорских и самодийских народов и русским былевым эпосом, что позволяет ученому аргументировать выводы о том, что коми-зырянский эпос возник на стыке двух культур — финно-пермской и восточнославянской, но испытал определенное воздействие и угро-самодийского эпоса. Исследователь подтверждает свой тезис о тесном и устойчивом взаимодействии коми-зырянской и коми-пермяцкой повествовательных традиций подробным сравнительным анализом коми-зырянских песен о Педоре Кироне, о Кирьяне-Варьяне и коми-пермяцких сказаний о Пере-богатыре, включающим их поэтико-стилевую характеристику.

Комментарии носят аналитический характер. Они не только содержат данные о времени и месте каждой записи эпоса, об исполнителе и собирателе, месте хранения записи, публиковалась ли она (из 22 сказаний, вошедших в том, 15 напечатаны впервые и на языке оригинала, и в русском переводе). В них также подробно поясняются этнографические реалии и своеобразие поэтики эпических сказаний коми: наличие в стихотворных эпических текстах развернутых прозаических реплик, специфические для коми эпоса переходы повествования от первого лица к третьему и от третьего к первому, объяснение архаической лексики и «темных» мест, сказительских комментариев, поэтических средств — прежде всего специфических коми эпитетов («мамонтный»), сопоставление с поэтикой других жанров коми фольклора, выявление сочетания реалистических деталей и мифологических мотивов.

* * *

С карело-финским эпосом читающий мир познакомился в 1835 г., когда Элиас Лённрот опубликовал «Калевалу» — эпическую поэму на основе древних карельских и финских народных песен. За прошедшие с тех пор полтора столетия «Калевала» была переведена на 45 языков. Под ее влиянием были созданы авторские поэмы «Калевипоэг» эстонца Ф. Крэйцвальда, «Песнь о Гайавате» американца Г. Лонгфелло, «Лачплесис» латыша Пумпура.

В академической серии в томе «Карело-финский народный эпос» (1994) напечатана не эпопея Лённрота, а подлинно аутентичные «варианты рун на разные сюжеты, в какой-то мере перекликающиеся с текстами, использованными замечательным финским поэтом Э. Лённротом в его ставшей знаменитой «Калевале», а также тексты, записанные многочисленными собирателями народной эпикки за время больше чем полтора века в разных местностях Карелии и частично в окрестностях Петербурга — Ленинграда преимущественно от карел, но также и от ленинградских финнов и ижор, в основном на карельских, ижорских и финских диалектах» [Карело-финский эпос 1994, 6]. Ведь ни в текстологическом (при том, что в тексте эпопеи Лённротом по-своему скопированы преимущественно строки из изустных записей), ни — возможно, даже в большей степени — в композиционном или содержательном планах эпопея «Калевала» не может оцениваться (а главное, использоваться) как аутентичный фольклорный источник [Калевала 1998].

Том серии «Карело-финский народный эпос» издан в двух книгах. В первой книге опубликовано исследование выдающегося собирателя и исследователя карело-финского фольклора советского времени В. Я. Евсеева (1910—1986) «Карело-финский народный эпос» и тексты эпических сказаний и песен, записанные на территории бывшего Советского Союза — не только в Карелии, но и «от финнов и ижорских певцов, проживавших в окрестностях Петербурга — Ленинграда», поскольку «их руны составляют единую карело-финскую эпикку, а по отдельным сюжетам они даже более разработаны (например, в цикле рун о Куллерво), чем у карел». В том не

включены варианты аналогичных рун, записанные на территории Финляндии, поэтому в примечаниях даются ссылки на них лишь в отдельных случаях [Карело-финский эпос, 1994, 2, 447].

Важное отличие тома карело-финского эпоса заключается в том, что в нем подробно охарактеризованы принципы отбора текстов для публикации: «...Основным критерием в отборе и помещении текстов служила их подлинность, аутентичность по отношению к первоисточнику либо первой авторитетной публикации. Индивидуальные сказительские новообразования с примерами изображения современности в стиле древних рун в корпус не включались» [Там же, 1, 6].

По поводу «первой авторитетной публикации» приходится с сожалением отметить, что в заметке «От редколлегии» никак не прокомментирован факт перепечатки в томе академической серии изустных записей из дефинитивного финского издания «Suomen kan san vanhat runot» аутентичных рун [SKVR], которые составляют свыше половины всех текстов (все дореволюционные). Библиографическое указание на финское издание появляется только на стр. 505 книги 2, хотя при паспортизации перепечатываемых записей даны сокращенные ссылки на SKVR.

В связи с тем, что карело-финская эпика дошла до наших дней в форме сравнительно небольших по объему песен, которые не сложились в обширный циклический эпос, составителю тома предстояло выработать свои принципы группировки рун. Они сформулированы в заметке «От редколлегии»: «...Нами использован принцип несколько условной иерархической группировки рун по семантическим сюжетно-тематическим категориям. Это позволило выделить сначала древние космогонические, мифологические с заклинательными функциями руны, затем руны героические, соотносящиеся с древними и вместе с тем послужившие основой для формирования социально-бытовых рун-баллад, полностью унаследовавших, как уже говорилось выше, рунную песенную эпическую традицию, и, наконец, так называемые исторические руны».

В то же время составители отмечают проявления циклизации, которые они

оценивают как «контаминационные процессы в синкретически взаимосвязанных жанрах эпоса», которые «в известной степени осложняли распределение и систематизацию включаемых в том текстов рун по сюжетно-тематическим группам, поскольку даже в одном варианте руны можно отметить разные пласты как космогонических и мифологических мотивов, так и более поздних напластований». Поэтому составительница «за основу критической оценки текста бралась идейно-эстетическая, повествовательно-логическая доминанта», но «подбор вариантов осуществлялся не только по архетипу, но и с учетом географического ареала распространения рун, по репрезентации тех или иных диалектов, а также хронологическому принципу одновременности записи рунических текстов» [Карело-финский эпос 1994, 1, 6].

Сюжетно-тематический принцип группировки рун², которого придерживался составитель и в корпусе эпических текстов, и в примечаниях к ним, позволяет читателю проследить пути развития разных версий карельского и финско-ижорского (или ингерманландского) эпоса, бытовавшего на территории Советского Союза и сопредельных областях Финляндии.

В то же время этот принцип обеспечил неожиданное — особенно по отношению к подчеркнутой монументальной древности «Калевалы» Э. Лённрота — включение в том рун исторической тематики: «Осада Выборга до Петра I», «Война под Нарвой», «Поход Карла к Петербургу», «Осада Выборга при Петре I», «Войны после Петра I», «На войне и в мирной жизни». По своему жанровому содержанию они, вероятно, должны быть отнесены скорее к историко-героическому эпосу — следующему по отношению к героико-мифологическому этапу в истории народного эпоса.

В исследовании В. Я. Евсеева, предпосланном публикации текстов рун, характеристика всех проблем карело-финского эпоса ведется исходя из такой его важной особенности, как синкретизм жанра, когда в одном произведении сочетаются космогонические, мифологи-

² В основных чертах он был выработан финскими учеными при издании SKVR, исходя из сюжето-центристских установок историко-географического метода.

ческие и поздние героические мотивы. По мнению В. Я. Евсеева, этим объясняется разнообразие толкований сюжетов карело-финского эпоса и проблем их генезиса в трудах финских ученых — Д. Э. Д. Европеуса, А. А. Борениуса, Ю. и К. Кронов, Э. Н. Сетеля, М. Хаавио, М. Кууси. С учетом жанрового синкретизма рун анализирует В. Я. Евсеев и образы основных персонажей карело-финского эпоса, и поэтику его основных сюжетов в динамике их многовекового бытования. Детально проанализирована и охарактеризована в статье стиливая система карело-финской эпики — лексические повторы и эпитеты, гиперболизированная градация с параллелизмом стихов, однотипные поэтические сравнения с разной семантической нагрузкой, метафора и ее развитие в метафорический образ, метрическая система рун. Такой подробный анализ позволил В. Я. Евсееву раскрыть неповторимое своеобразие карело-финского эпоса в его первоизданном виде.

Во второй книге тома «Карело-финский народный эпос» напечатаны переводы рун на русский язык и обширный раздел «Приложения».

В разделе «Примечания» комментарий к каждой руне содержит характеристику ее сюжета в совокупности публикуемых вариантов, данные обо всех печатаемых текстах с кратким их анализом. Особо следует отметить, что в этих примечаниях приводятся сведения о том, как использовал Э. Лённрот в обоих изданиях «Калевалы» (1835 и 1849 гг.) отдельные тексты бытовавшего в XIX в. карельского и ингерманландского эпоса. В раздел «Приложения» также вошел «Перечень имен собственных, географических и бытовых предметов», «Названия населенных пунктов, где записывались руны», «Наиболее типичные для рун общие места», «Собиратели рун», «Исполнители рун» и раздел, который присутствует далеко не во всех томах серии, — «Литература». Все они подготовлены с необыкновенным тщанием и, несмотря на отмеченное замалчивание дефинитивного финского издания, в совокупности со вступительным исследованием составляют репрезентативную характеристику карело-финского народного эпоса. К сожалению, в томе нет музыковедческого исследования рун.

* * *

Пять книг академической серии посвящены «интернациональному» нартскому эпосу ряда народов Северного Кавказа: адыгейцев, кабардинцев, черкесов (они составляют адыгскую этническую общность, и эпос этих трех народов принято называть собирательно — адыгский), абазин, абхазов, осетин, балкарцев и карачаевцев, чеченцев и ингушей, кумыков в Дагестане. Фрагменты эпоса о нартах зафиксированы и у ряда этнических групп Грузии — сванов, рачинцев и хевсуров.

Народы, у которых бытует нартский эпос, различаются по своему генезису, историческим судьбам, языку. Сказания адыгских народов, абхазов, абазин существуют на языках адыго-абхазской ветви кавказской семьи языков — адыгейском, кабардино-черкесском, абхазском, абазинском; сказания чеченцев и ингушей — на языках вайнахской (или нахской) ветви этой же семьи языков — чеченском и ингушском; осетинские сказания созданы на осетинском, принадлежащем к индоевропейской языковой семье, а балкаро-карачаевские и кумыкские — на тюркских языках алтайской семьи языков. В процессе многовекового совместного проживания на сравнительно небольшой территории народы Северного Кавказа выработали особый и во многом сходный тип не только материальной, но и духовной культуры. Одно из наиболее ярких ее проявлений — архаический героический нартский эпос, ядро которого сформировалось в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Существенная особенность нартского эпоса состоит в том, что его версии, бытующие у разных народов, имеют общие черты: единое именование эпических героев нартами, общие имена центральных героев и связанные с ними сюжеты. Вместе с тем, в каждой версии нартского эпоса есть персонажи, известные только ей. Существенны также различия и в поэтике каждой версии нартского эпоса, своеобразно сочетающей общекавказские черты с традициями фольклора того или другого народа.

Запись, публикация и изучение нартского эпоса народов Кавказа начались во второй половине XIX в. и связаны с именами таких выдающихся ученых,

как Вс. Ф. Миллер, Л. Г. Лопатинский, Ж. Дюмезиль, В. И. Абаев и др.

В XIX в. наиболее полно были записаны и опубликованы осетинские сказания о нартах. Это дало основание Вс. Ф. Миллеру высказать предположение, что нартские сказания были первоначально созданы аланами — предками нынешних осетин, от которых они были заимствованы ближайшими соседями и приобрели у каждого из них специфический национальный облик. По мере накопления фиксаций нартского эпоса у адыгских народов, балкарцев и карачаевцев, чеченцев и ингушей, абхазов, народов Дагестана «осетино-центристская» теория все больше подвергалась сомнению, а нартский эпос становился своеобразным «яблоком раздора» для разных народов.

Неслучайно одно из первых совещаний, посвященных эпосу народов СССР, было посвящено нартскому эпосу [Нартский эпос 1957]. В докладах его участников была дана общая характеристика абхазской, осетинской, дагестанской версий этого эпоса, определено его место в истории эпоса и соотношение с памятниками материальной культуры. В докладе В. И. Абаева «Проблемы нартского эпоса» впервые была поставлена задача сравнительно-исторического изучения различных национальных версий и предложены первоочередные шаги к ее решению: «Они состоят <...> в возможно более полной фиксации и систематизации материала у всех народов — хранителей нартской эпопеи <...> в глубоком и всестороннем изучении всех национальных вариантов с точки зрения их содержания, сюжетов, композиций, идей, образов и мотивов, художественно-изобразительных средств, поэтики <...> в выявлении и истолковании того, что является общим для всех национальных разновидностей эпоса <...> в выявлении и истолковании всего, что является специфическим и особенным у каждого народа» [Там же, 34].

Но, пожалуй, главным в этом докладе В. М. Абаева был четко сформулированный тезис о самобытности и «равноправии» всех национальных версий эпоса о нартах: «Я беру на себя смелость утверждать, — сказал ученый, — что безошибочно отличил бы в переводе тексты кабардинского варианта от осетинского — настолько отлично и своеобразно

их построение, стиль, фактура, художественно-образительные средства. Уже одно это обстоятельство полностью опровергает представление, будто национальные варианты нартских сказаний представляют простой перевод с одного языка на другой» [Там же, 29].

Тезис о самобытности всех национальных версий нартского эпоса получил аргументированное подтверждение в ряде диссертационных исследований, посвященных адыгскому, абхазскому, чечено-ингушскому, осетинскому эпосу, выполненных в Институте мировой литературы АН СССР в 1960—1970-е гг. Результаты этих диссертационных исследований были опубликованы в книгах [Алиева 1969; Аншба 1966; Мальсагов 1967; Мамиева 1968].

Небывало динамичное развитие нартоведения в 1960-е гг. и явное стремление исследователей подчеркнуть «первородность» своей³ национальной версии сделали актуальным проведение нового коллективного обсуждения проблем нартского эпоса. В ноябре 1964 г. в столице Абхазии г. Сухуми состоялась конференция, в работе которой приняли участие не только исследователи всех национальных версий нартского эпоса, но и историки, лингвисты, этнографы, философы. Материалы этой конференции (и ряд новых работ) были опубликованы в книге «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». Само ее название (как и напечатанные в ней исследования) утверждали, что спорам о первородстве той или иной версии положен конец, а равноправное существование всех национальных версий сказаний о нартах является общепризнанным [Сказания о нартах 1969].

На основании решений Сухумской конференции 1964 г. в план издания академической серии «Эпос народов СССР» были включены тома адыгского, абхазского, осетинского, балкаро-карачаевского нартского эпоса.

Первой из национальных версий нартского эпоса была издана адыгская версия (1974).

³ Одно из наглядных свидетельств этой тенденции — монография адыгейского фольклориста А. М. Гадагaglia (1967), автор которой поставил своей целью доказать, что создателем эпоса о нартах были *только* предки адыгов. Число таких примеров не позволяет умножить объем статьи.

Поскольку нартский эпос (как и типологически во многом сходный с ним карело-финский эпос) не представляет собою сложившейся эпопеи, составителям адыгского тома пришлось решать многие специфические проблемы его текстологии.

Принципы текстологической подготовки нартского эпоса адыгских народов подробно охарактеризовала автор данного исследования (бывшая одним из составителей тома) в статье «Антология эпоса близкородственных народов» [Алиева 1977]. В статье приводятся результаты текстологического исследования всех имеющихся публикаций адыгского эпоса, увидевших свет с середины XIX в. до 1970-х гг., дана оценка эпических текстов, опубликованных в дореволюционных изданиях только в русском переводе, как русского адекватного национального текста; поставлена проблема транслитерации дореволюционных публикаций адыгского эпоса на современную графику. Специально рассмотрен вопрос о представлении в томе не только полных и совершенных в художественном отношении записей, но и тех текстов, в которых разрабатываются (достаточно полно) отдельные элементы сюжета (их предложено аналитически представлять в комментариях).

Специального решения потребовала проблема версий и вариантов, которая имеет особое значение при составительской работе с эпосом, не имеющим формы сложившейся эпопеи. Выше говорилось, что жанровое своеобразие нартского эпоса состоит в том, что он складывается из небольших по объему сказаний, каждое из которых существует во многих вариантах, а некоторые сюжеты — еще и в разных версиях. Все они представлены в адыгском томе.

Одной из важнейших была задача определения границ жанра нартского эпоса, который являет собой яркий пример взаимодействия с мифом, сказкой, топонимическими преданиями, народным анекдотом. После проведения отбора текстов, принадлежащих к жанру героического эпоса, встает проблема систематизации сказаний. Дело в том, что в пределах нартского эпоса сказания группируются вокруг имен основных героев. В одних случаях они складываются в эпическую «биографию» героя (хотя в живом бытовании

эти сказания не всегда исполняются в логической последовательности, от рождения до гибели героя). В других случаях не все этапы эпической «биографии» героя разработаны в самостоятельные сказания. На основе того, что в нартском эпосе существуют принципы группировки сказаний либо в цикл-биографию (различие состоит лишь в количестве сказаний, посвященных тому или другому герою), либо по «генеалогическому» принципу, мной было предложено применять при подготовке к изданию нартского эпоса разных народов оба эти принципа. Наконец, было решено группировать нартские сказания по степени их «возраста»: от архаических мифологизированных сюжетов, посвященных нарту Сосруко, до сказаний о «младших» нартах — Бадыноко, Батрезе, Ашамезе. Внутри каждого цикла были представлены тексты, записанные в разных районах проживания адыгов, на разных диалектах адыгейского и кабардино-черкесского языков. Это позволило наглядно представить ареал распространения нартского эпоса у каждого из адыгских народов.

Во вступительной статье известного кабардинского писателя и фольклориста А. Т. Шортанова содержание адыгского эпоса исследуется в соотношении с древней историей и мифологией его создателей; специальное внимание уделено характеристике художественных особенностей национальной версии.

В разделе «Примечания к текстам» приводятся сведения об источнике текста, указывается язык, на котором сделана запись, паспортные данные о сказании, дается объяснение идиоматических выражений и фразеологических оборотов, «темных» мест, деталей и эпизодов, характерных только для данного текста, имен эпических персонажей. Специальное место отведено перечислению вариантов каждого сказания (не только опубликованных, но и архивных). Здесь же воспроизводятся отдельные тексты адыгского эпоса, опубликованные во второй половине XIX — начале XX в. только в русском переводе, наиболее интересные отрывки из вариантов, не вошедших в книгу, тексты, излагающие лишь отдельный эпизод соответствующего сказания и поэтому не включенные в основной корпус издания, а также пояснения сказителей, касающиеся

героев эпоса, преданий о них и т. д. Такое аналитическое представление отдельных редуцированных сказаний значительно расширяет представление читателя не только о сюжетном составе адыгского эпоса, но и о своеобразии его бытования на современном этапе.

Кроме примечаний к текстам, в «Приложении» напечатаны образцы нотных записей напевов адыгского эпоса. К сожалению, отсутствует музыкально-ведческая статья, поскольку в пору подготовки адыгского тома его музыкальная составляющая не была еще достаточно исследована.

Принципы текстологической подготовки сказаний нартского эпоса, разработанные при подготовке адыгского тома, были успешно использованы при подготовке осетинского (1990—1991) и балкаро-карачаевского томов (1994) с единственной поправкой. В эти тома было включено большое число текстов, где эпические персонажи выступают героями сказки, топонимического предания или анекдота. В результате значительно вырос объем томов. Впрочем, это вполне правомерное решение, так как оно позволяет читателю (и исследователю) составить верное представление о жанровой специфике той или иной национальной версии.

В академической серии планировалось издать том абхазского нартского эпоса. В настоящее время фольклористы Абхазии готовят такой том.

Чечено-ингушская версия нарт-орстхойского эпоса была издана вне академической серии — ей посвящено фундаментальное исследование У. Б. Далгат [Далгат 1972], в котором не только дается научная характеристика этой версии, но и аргументированно решается ряд проблем теории эпоса.

* * *

Эпосу одного из восточнославянских народов, входивших в состав Советского Союза, — украинцев — посвящен том «Украинские народные думы». Его отличает тщательность текстологической подготовки дум к изданию и исчерпывающая характеристика этой работы. В разделе «От составителя» охарактеризован состав тома: в него вошли думы, уже публиковавшиеся в различных изданиях XIX—XX вв., а также варианты, обнаруженные составителем в архивах Москвы, Ленинграда, Киева,

Харькова, Чернигова, Полтавы, Нежина, Львова, — всего 37 текстов. Думы подобраны так, чтобы читатель мог не только составить представление об особенностях интерпретации их отдельными кобзарями и лирниками, но и проследить их изменчивость во времени. С этой целью в том включены записи дум, сделанные начиная с середины XIX в. и на протяжении XX в., представляющие разные локальные традиции и мастерство различных школ кобзарей и лирников, т. е. различающиеся по манере повествования, характеру образов и деталям. Подробно охарактеризован составителем принцип расположения текстов дум в томе по хронологическому принципу. Особо следует подчеркнуть, что в том включены и повторные записи одних и тех же дум от одного и того же певца — они содержат важные данные для исследования изменчивости эпического текста во времени.

Составитель тома Б. П. Кирдан в основном придерживался современной украинской графики, но записи дум, сделанные в конце XVII в. и в 1805 г. средствами латинской и русской графики, публикует с сохранением всех особенностей первоисточника. Составитель не допускал никакого вмешательства в текст — «изменения в лексике, перестановка отдельных слов или стихов не допускались». Оговаривается даже единственный в томе случай, когда дума «Корсунская победа» напечатана с небольшими сокращениями — «в обоих вариантах они обозначены точками» [Украинские думы 1972, 8].

Том «Украинские народные думы» — единственный в серии, где эпические тексты публикуются только на языке оригинала — на украинском языке, который относится к восточнославянской группе славянских языков, входящих в индоевропейскую семью языков. Отсутствие перевода эпоса на русский обусловлено, конечно же, близостью этих двух языков. Впрочем, в тщательно составленном словаре поясняется большое число слов, которые непонятны читателю, знающему русский язык.

Научный аппарат к тому включает вступительное исследование Б. П. Кирдана «Думы» и статью «Музыкальные особенности украинских народных дум» известного украинского музыковеда С. И. Грицы.

В исследовании Б. П. Кирдана подробно охарактеризовано творчество создателей и исполнителей украинского эпоса — кобзарей, лирников, бандуристов, — его историография (работы русских, украинских и зарубежных исследователей дум — Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, О. Ф. Миллера, Вс. Ф. Миллера, М. Г. Халанского, А. Рамбо, Ч. Г. Неймана, Ф. Равита, Н. И. Костомарова, П. Житецкого, И. Я. Франко, Ф. М. Колессы, Н. Ф. Сумцова, В. Н. Перетца, В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова и др.). Но основное внимание уделено проблеме генезиса дум, анализу их жанрового своеобразия, отражение в них истории украинского народа, системе образов эпоса, его поэтики.

Характеристика музыкальных особенностей украинских народных дум в статье С. И. Грицы основана на анализе более восьмидесяти музыкальных записей дум (из них около 20 — неопубликованные). С. И. Грица дает исчерпывающий анализ музыкального стиля дум, их однотипных, ярко выраженных ритмических и интонационных особенностей, что позволяет ей рассматривать думы как самостоятельную разновидность речитативно-повествовательного мелоса в огромном потоке украинского словесно-музыкального фольклора.

«Приложение» составили комментарии, образцы нотных записей дум «Три брата самарские», «Невольники на каторге» («Плач невольников»), «Маруся Богуславка», «Алексей Попович», «Дума о Ленине», краткие сведения об исполнителях украинских народных дум, словарь, указатель географических названий, встречающихся в текстах публикуемых дум. В комментариях приводятся источники и названия дум в оригинале, все имеющиеся сведения об истории и обстоятельствах записи, все публикации каждой думы и ее варианты, сведения об исторических лицах, упоминаемых в тексте и т. д. Образцы нотных записей дум сопровождаются библиографическими отсылками на первую их публикацию.

Самостоятельный интерес представляет раздел об исполнителях дум [Там же, 526—534]. Он содержит данные о жизни и творчестве создателей и исполнителей дум. Подробно воссоздается их репертуар и рассказывается

о том, кто записывал и печатал думы того или иного исполнителя. Кропотливо собранные в этом разделе данные о кобзарях и лирниках существенно дополняют характеристику их творчества, данную во вступительном исследовании Б. П. Кирдана.

Наряду с традиционными эпическими произведениями в украинском томе помещены и «новины» — созданные в форме дум произведения о революционных событиях 1905 года, о Красной армии, о Ленине, о нерушимой дружбе народов. Включение их в том следует объяснить скорее всего исключительной добросовестностью составителя, стремившегося дать максимально полное представление об украинских думках — в частности, о продолжении их жизни в новых исторических условиях.

* * *

Особое место в академической серии занимает том «Лачплесис. Латышский эпос, воссозданный по народным преданиям» (1975).

Здесь напечатана поэма А. Пумпура «Лачплесис. Латышский народный герой» — «выдающееся произведение латышской литературы второй половины XIX в., посвященное фольклорному герою и созданное в значительной степени на основе народной устно-поэтической традиции», признанное «латышским национальным эпосом» как отвечающее чаяниям народа, идеалам его освободительной борьбы [Лачплесис 1975, 5]. Поэма опубликована в поэтическом переводе одного из замечательных советских поэтов-переводчиков Вл. Державина. Следует подчеркнуть, что для издания в академической серии этот перевод был тщательно сверен с оригиналом Я. Я. Рудзитисом и уточнен.

Правомерность публикации в академической серии литературного произведения была, по убеждению редколлегии, обусловлена принципиальной новизной эдических процедур — документированным раскрытием фольклорных истоков поэмы А. Пумпура, которые были разработаны ответственным редактором тома В. М. Гацаком и реализованы латышским фольклористом Я. Я. Рудзитисом в его основательном исследовании «“Лачплесис” А. Пумпура и его место в истории латышской культуры» и в разделах «Комментарии», «Тексты,

записанные у народных певцов и сказителей», «Параллели к отдельным песням эпоса». Вывод Я. Я. Рудзитиса о том, что «“Лачплесис” Пумпура вобрал в себя эпические традиции латышской народной прозы и песенной поэзии; вместе с тем он явился для латышской культуры XIX в. и последующего времени той героико-эпической поэмой, которой не дано было сложиться в фольклоре» [Там же, 20], подтверждается материалами, представленными в обширном «Приложении».

В разделе «Комментарии» Я. Я. Рудзитис воссоздает максимально полную картину использования и трансформации в авторской поэме Пумпура сюжетов, мотивов, образов, художественных средств латышской и древнепрусской мифологии, латышского фольклора (сказок, преданий, легенд, песен), этнографии, выявляет степень использования писателем различных исторических источников, а также соотносит поэму Пумпура с контекстом современной писателю латышской литературы и публицистики.

В разделе «Тексты, записанные у народных певцов и сказителей» Я. Я. Рудзитис, учитывая, что рукописи поэмы Пумпура не сохранились, а конкретные указания писателя, какие именно произведения он использовал, отсутствуют, приводит «лишь ориентировочные примеры текстов, содержащих такие фольклорные сюжеты, эпизоды и образы, которые воплотились в эпосе или могли вдохновить поэта. Они раскрывают идейно-тематическую близость “Лачплесиса” к фольклору» [Там же, 250]. Это — сказка о медвежьем сыне и «антифеодалные песни». Тексты, записанные у народных певцов и сказителей, вошли и в раздел «Параллели к отдельным песням эпоса», только здесь они точно соотнесены с сюжетом, мотивами, образами поэмы А. Пумпура. Это — сказки о чудесном рождении героя от медведя или о том, как герой вырос в логове льва, как получил необыкновенную силу от материнского молока, которое пил до 21 года, отрывки из мифологических или топонимических преданий, поверья о чертях и ведьмах, описания старинных свадебных обрядов, образцы народных песен и др.

Фольклорные, этнографические и исторические материалы, вошедшие в

«Приложения», представляют интерес не только потому, что воссоздают многообразные народные источники поэмы Пумпура. В совокупности они составили своеобразную антологию латышского фольклора в переводе на русский язык, какой не было ни до, ни после публикации латышского тома в академической серии.

Существенное замечание к тому: конечно же, в соответствии с идеологическими установками времени издания тома в нем во всех разделах — в статьях А. А. Петросян, Я. Я. Рудзитиса и даже в комментариях [Там же, 209, 210 и др.] — говорится об «остзейских» или немецких угнетателях, отрицательное отношение к которым латышского народа иногда, может быть, излишне педалируется.

* * *

Итак, на протяжении почти трех десятилетий в двуязычной академической серии опубликовано 26 книг, представляющих 20 эпических памятников 19-и народов бывшего Советского Союза. Конечно, ими не исчерпывается все богатство и многообразие эпического наследия народов нашей страны. Вместе с тем, это — первое репрезентативное двуязычное издание произведений устной народной поэзии в ее лучших образцах, наиболее точно представляющих и эпос данного народа, и эпическое наследие страны в целом. И в этом состоит непреходящее значение серии. Ее составили памятники разных жанровых разновидностей (героический, героикороманический, любовно-романический эпос), представляющие разные этапы истории эпоса (от архаических мифологических, как якутский, хакасский или нартский эпос, до поздних, историзованных, как украинские думы) и различные типы композиционной организации этого жанра с различной мерой проявления циклизации (от отдельных сравнительно небольших по объему сказаний, как карело-финские руны, до грандиозных эпопей, как «Манас»). В серии представлены и разные формы бытования эпоса — передающиеся сказителями из уст в уста, существующие в виде «народных книг» и даже поэма, воссозданная на основе произведений фольклора.

Такое разнообразие эпического материала обусловило сложность задач,

стоявших перед учеными, готовившими эти эпические памятники к изданию в серии. Составителям каждого тома предстояло провести текстологическое исследование имевшегося в их распоряжении (иногда значительного по объему и неравноценного по качеству фиксации) материала, выбрать репрезентативный текст для публикации. Но самым сложным было определение принципов текстологической подготовки каждого эпоса, учитывающих его жанровые особенности, степень изученности памятника, накопленный (или отсутствующий) эдиционный опыт.

Пути текстологических поисков создателей ряда томов серии и их результаты освещены в коллективных трудах ИМЛИ [Текстологическое изучение 1971; Фольклор 1977] — опубликованные в них исследования помогли нам более полно охарактеризовать принципы работы составителей эпических томов.

Проведенный анализ томов серии (он не затрагивал только проблемы перевода текстов на русский язык) позволил проследить процесс формирования текстологии народного эпоса на материале разностадиальных и разножанровых эпических памятников, бытующих на разных языках.

Литература

Абай Гэсэр Могучий 1995 — Абай Гэсэр Могучий: Бурятский героический эпос / отв. ред. Н. В. Кидайш-Покровская, науч. конс. Т. Д. Санжеев, пер. А. Б. Соктоева, ред. пер. Д. А. Бурчиной, А. В. Кудиярова. Комментар. Д. А. Бурчиной, А. Б. Соктоева. М., 1995.

Абай-Гэсэр-хубун 1961 — Абай-Гэсэр-хубун. Эпопея (Эхирит-Булагатский вариант) / подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хоменова, вступ. ст. А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1961.

Алиева 1969 — Алиева А. И. Нартский эпос адыгов. М., Нальчик, 1969.

Алиева 1977 — Алиева А. И. Антология эпоса близкородственных народов // Фольклор: Издание эпоса. М., 1977. С. 77—103.

Аншба 1966 — Аншба А. А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси, 1966.

Далгат 1972 — Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М., 1972.

Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост. тома, подгот. текстов, исслед., коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова; пер. Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова, Ц. К. Корсункиева, А. В. Кудиярова, Н. Б. Сангаджиевой; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М., 1990.

Жамцарано 1930 — Образцы народной словесности монгольских племен. Произведения народной словесности бурят. Сборник Ц. Ж. Жамцарано. Тексты. Эпические произведения эхиритбулагатов. Гэсэр-Богдо. Эпопея. Л., 1930. Т. 2. Вып. 1.

Калевала 1998 — *Лённрот Э.* Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Петрозаводск, 1998.

Карело-финский эпос 1994 — Карело-финский народный эпос / сост., вступ. ст., пер., примеч. В. Я. Евсеева; отв. ред. У. Б. Далгат. М., 1994. Кн. 1—2.

Коми эпос 1987 — Коми народный эпос / вступ. ст., пер. текстов песен, коммент. А. К. Микушева; отв. ред. Б. П. Кирдан. М., 1987.

Лачплесис 1975 — Лачплесис. Латышский эпос, воссозданный по народным преданиям / подгот. Я. Я. Рудзитис; отв. ред. В. М. Гацак. М., 1975.

Мальсагов 1967 — *Мальсагов А. О.* Нарт-ортхойский эпос вайнахов. Грозный, 1967.

Мамиева 1968 — *Мамиева Н. К.* Образ Сатбны в осетинском нартовском эпосе. Орджоникидзе, 1968.

Микушев 1969 — *Микушев А. К.* Коми эпические песни и баллады. Л., 1969.

Микушев 1973 — *Микушев А. К.* Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.

Микушев и др. 1966—1971 — *Микушев А. К., Чисталев П. И.* Коми изюкостса сьыланкывьяс. Т. 1. Сыктывкар, 1966. Т. 2. Сыктывкар, 1968; *Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г.* То же. Т. 3. Сыктывкар, 1971.

Нартский эпос 1957 — Нартский эпос. Материалы совещания 19—20 октября 1956 г. Ред.: В. И. Абаев, Г. З. Калоев, В. И. Чичеров. Орджоникидзе, 1957.

Нарты 1974 — Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А. И. Алиева, А. М. Гадагатль, З. П. Кардангушев; вступ. ст. А. Т. Шортанова; тексты подгот. А. М. Гадагатлем, З. П. Кардангушевым; пер. А. И. Алиевой; ред. текстов оригинала и сверка пер. М. А. Кумахова; коммент. А. И. Алиевой, З. П. Кардангушева; отв. ред. В. М. Гацак. М., 1974.

Сказания о нартах 1969 — Сказания о нартах — эпос народов Кавказа / редкол.: А. А. Петросян (отв. ред.), А. И. Алиева, В. М. Гацак, У. Б. Далгат. М., 1969.

Текстологическое изучение 1971 — Текстологическое изучение эпоса / отв. ред. В. М. Гацак, А. А. Петросян. М., 1971.

Украинские думы 1972 — Украинские народные думы / подгот. Б. П. Кирдан; отв. ред. В. М. Гацак. М., 1972.

Фольклор 1977 — Фольклор: Издание эпоса / редкол.: А. И. Алиева, В. М. Гацак, А. С. Мирбадалева, А. А. Петросян (отв. ред.). М., 1977.

SKVR — Suomen kansan vanhat runot, 1—XIV. Helsinki, 1908—1944.

Г. З. ИМАЕВА

(Уфа)

СКАЗКОВЕДЧЕСКОЕ

НАСЛЕДИЕ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО

(К 170-летию со дня рождения)

В этом году исполнилось 170 лет со дня рождения Александра Николаевича Веселовского (1838—1906), выдающегося российского филолога, историка и теоретика литературы, академика Петербургской академии наук.

Александр Веселовский родился в московской семье военного педагога. Он получает сначала домашнее образование, в котором значительное внимание уделяется иностранным языкам. После завершения курса гимназии он в шестнадцать лет становится студентом словесного факультета Московского университета. Время его студенчества пришлось на одну из ярких эпох в истории старейшего русского университета. Среди учителей молодого Веселовского были историки Грановский и Кудрявцев, филологи Шевырев, Бодянский, Леонтьев. Но наибольшее влияние имел на начинающего ученого его ближайший учитель, профессор Ф. И. Буслаев: он направил Веселовского на изучение древней русской литературы и народной словесности и познакомил с теориями, которые в то время господствовали в западноевропейской и русской науке под влиянием романтического «народничества» братьев Гримм. От «романтизма народностей» Веселовский, по его собственному признанию, скоро освободился, но он усвоил филологический метод Буслаева, так восхищавший его в студенческие годы: «работа, творившаяся почти на глазах, орудовавшая мелочами, извлекавшая неожиданные откровения из разных Цветников, Пчел и т. п. старья» [Жирмунский 1979, 86].

Окончив университет с золотой медалью в 1858 г., Веселовский получил степень кандидата и был оставлен при кафедре классической филологии.

В 1859—1867 гг. Веселовскому довелось побывать в Испании, Италии,